Оригинальная статья / Original article
УДК 7.067.6

Деконструкция ценностей в эпоху постмодернизма

© А. Б. Денисова
*Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
г. Москва, Российская Федерация*

Аннотация. Ценности являются базовыми доминантами сознания, через которые интерпретируются (воспринимаются, оцениваются) все остальные явления. В статье рассматриваются процессы трансформации ценностных ориентаций российского общества после социального кризиса 90-х годов, вхождения в цифровой, глобальный мир и приобщения к ценностям общества потребления. Характеристики современного цифрового поколения соотносятся с принципами и отличительными особенностями искусства постмодернизма – эпохи, в которой это поколение формируется. Вновь становится актуальной дилемма, поставленная О. Уайльдом: искусство подражает жизни или же напротив, жизнь искусству. Формирование ценностных ориентаций начинается в детстве, на примере сказок, мультфильмов, образы которых четко расставляют границы между добром и злом, хорошим и плохим, обращаясь к архетипам нашего сознания и проверенным сюжетам и ситуациям. Несмотря на традиционность и архаичность сказочный жанр не остается неизменным и так- же подвергается всем тенденциям современного мира: как переосмыслению, согласно принципам постмодерна, так и трансляции западных стереотипов поведения и мышления, которые активно распространяются благодаря информационным технологиям и сетевому строению современного мира. «Демократические» ценности западного мира не являются для нашей культуры органичными, как и внедряемые массовой культурой стереотипы поведения. Неокантианский метод «отнесения к ценности» должен работать на сформированной ценностной парадигме, обращенной к архетипам нашего культурного кода.

Ключевые слова: цифровое поколение, деконструкция, аксиологическая шкала, «отнесение к ценности», сказочные архетипы

Для цитирования: Денисова А. Б. Деконструкция ценностей в эпоху постмодернизма // *Социальная компетентность.* 2022. Т. 7. № 4. С. 316–326.

Deconstruction of values in the era of postmodernism

© Alla B. Denisova
*National Research University “Moscow Power Engineering Institute”,
Moscow, Russian Federation*

Abstract. Values are the basic dominants of consciousness through which all other phenomena are interpreted (perceived, evaluated). The article discusses the processes of transformation of the value orientations of Russian society after the social crisis of the 90s, entry into the digital, global world and familiarization with the values of the consumer society. The characteristics of the modern digital generation correlate with the principles and distinctive features of the art of postmodernism – the era in which this generation is formed. Again, the dilemma posed by O. Wilde becomes relevant: art imitates life or, on the contrary, life imitates art. The formation of value orientations begins in childhood, on the example of fairy tales, cartoon films, the images of which clearly set the boundaries between good and evil, good and bad, referring to the archetypes of our consciousness and proven stories and situations. Despite the traditional and archaic nature, the fairy tale genre does not remain unchanged and is also subject to all the trends of the modern world – both rethinking, according to the principles of postmodernity, and translation of Western stereotypes of behavior and thinking, which are actively spreading thanks to information technologies and the network structure of the modern world. The “democratic” values of the Western world are not organic for our culture, as well as stereotypes of behavior introduced by mass culture. The neo-Kantian method of “reference to value” should work on the formed value paradigm, addressed to the archetypes of our cultural code.

Keywords: digital generation, deconstruction, axiological scale, “reference to value”, fairy tale archetypes

For citation: Denisova A. B. (2022) Deconstruction of values in the era of postmodernism // *Sotsialnaya kompetentnost = Social Competence.* Vol. 7. No. 4. P. 316–326. (In Russ.).

Введение

Вместе с распадом Советского Союза запустился процесс распада аксиологической шкалы, на основе которой существовало советское государство: постепенно расшатывались понятия, являющиеся основой морали, гражданственности, и в целом положительные качества ставились под сомнение, как мешающие достигать прагматических целей; трудовые, научные, военные достижения стали оспариваться, подменяться, объясняться меркантильными, корыстными интересами; подвергался разрушению моральный облик личностей, судьбы которых служили ориентиром для выстраивания собственной жизненной траектории. В молодежной среде культивировался эгоцентризм, нигилизм, анархизм, групповой эгоизм, моральный релятивизм и др. негативные социальные проявления человеческой натуры, ведущие к ущербности, комплексам социальной неполноценности, неверию в социальный прогресс, резкому падению нравственности и т. д. Трудовая мотивация заменялась на спекулятивно-стяжательскую, интересы проявлялись исключительно в сфере досуга, антисоциальное поведение становилось почти нормой.

После разрушительных для страны и для морали общества 90-х годов все-таки некоторые ценностные базисные основы еще оставались актуальны. Например, тема Великой Отечественной войны длительное время была запретной для шуток, но, примерно, в 2010-х она постепенно выходит из-под запрета (что транслируется редакторами многочисленных лиг КВН и можно проследить, как начинают шутить на эту тему по центральным каналам телевидения). В это же время появляются опросы типа, «нужно ли было сдать Ленинград, чтобы сберечь сотни тысяч жизней?» (умышленно некорректный вопрос, с формулировкой утверждающий, что, если бы город был сдан немцам, то эти сотни тысяч жизней были бы спасены)[1], герои оказываются не героями, а шизофрениками (высказывания карикатуриста А. Бельжо, журналиста А. Невзорова относительно партизанки Зои Космодемьянской (2016–17 гг.)[2] и т. д.

Анализируя перемены, происходящие последние 30–35 лет, можно обнаружить не только естественные изменения, зависимые от социальных, экономических, технологических трансформаций окружающего мира, но и неслучайные, целенаправленно программируемые, направленные на постепенное уничтожение моральных принципов человека, ценностных ориентиров, частично доставшихся нам от Советского Союза и остающихся моральными основаниями по сей день. Приведенный пример демонстрирует, что для этой важной для нашего общества темы, долгое время остающейся «болевой точки» одновременно скрепляющей основы общественного сознания, была «пошагово» применена технология переформирования человеческого восприятия, т. н. «Окно Овертона» – постепенный переворот общественного сознания в отношении к чему-либо от неприемлемого, недопустимого в нормальное и даже модное, престижное. Тогда делается очевидным дальнейший ход развертывания событий, который, будем надеяться, прервется после 24 февраля 2022 года.

Нетрадиционные для нашей культуры ценности активно насаждаются массовой культурой, средствами массовой информации. Наблюдая и анализируя изменения в сфере искусства, традиционно продолжающего выполнять воспитательную функцию, можно отчетливо увидеть отражение онтологических изменений, происходящих в человеческом обществе.

Методы

При подготовке статьи использовались работы, посвященные анализу изменения

[1] Опрос телеканала «Дождь» (признан в РФ иноагентом), проведенный в день снятия блокады Ленинграда 27 января 2014 года.
[2] Крутиков С. «Мифоборчество» Бильжо и Зоя Космодемьянская // LiveJournal. [Электронный ресурс]. URL.: https://stasrus2009.livejournal.com/122696.html(10.12.2022).

ценностных приоритетов в современном обществе, результаты исследований автора данной статьи по определению ценностных ориентаций студентов, обобщенные характеристики поколения Z (дети, рожденные до 2010 г.), а также исследования по постмодерну и анализ его влияния на такой традиционный воспитательный жанр как сказка. Сопоставление искусства постмодерна, принципов, лежащих в его основании, и изменений нравственных, ценностных ориентиров общества позволяет поставить вопрос о первичности и силе воспитательного влияния современного искусства в формировании аксиологической шкалы молодого поколения.

Результаты

Ценности являются теми доминантами сознания, которые определяют интерпретацию всех остальных явлений, их оценку. Неокантианцы, разработавшие аналитику ценностного мышления, считают, что культуру необходимо изучать методом «отнесения к ценности» (Вебер). «Отнесение к ценности» формирует осмысленность картины мира, поэтому важной характеристикой человека и общества в целом является аксиологическая шкала.

Современный мир с доминирующими информационно-коммуникационными технологиями, усиливающими тенденции глобализации, изменяет культуру мышления и порождает новые ценностные приоритеты, формируя личность с новыми социальными чертами и поведением. Социологи утверждают плюрализацию и релятивизацию современных ценностей. Например, ответственность, как морально-этическая ценность, переходит в разряд инструментальных, минимизируемых как по степени, так и по времени только ради достижения некой цели при чем как в личных, так и в социальных отношениях (Бауман, 2008). По мнению Н. Зарубиной, «структурированная безответственность» – особенность культурно-нравственной позиции молодежи («Молодежь в современном обществе оказывается помещенной в структурную нишу, формируемую институтами социализации, которая дает возможность свободно предаваться поиску своего места в обществе, не задумываясь о возможных последствиях поисков и не осознавая эти последствия как реальные факты, с которыми придется иметь дело в будущем» (Зарубина, 2012. С. 251). «Образование» и «профессионализм» также рассматриваются как инструмент, позволяющий занять высокодоходную экономическую нишу (Зарубина, 2012. С. 255). Исследование ценностных ориентаций студентов первых курсов (опрошено около 300 человек, обучающихся в разных вузах и в разных городах России), проведенное автором статьи, также показало, что наиболее значимой жизненной ценностью является «Высокое материального положение», как главное условие жизненного благополучия, а самой значимой жизненной сферой – сфера увлечений (самые низкие показатели имеют ценности «Активные социальные контакты», «Креативность» и сфера общественной жизни (Денисова, 2016). Полученные данные согласуются с выводами других исследователей (например, «поведение «Z» в большей степени определяется ориентацией на независимость, удовольствия и развлечения» (Яницкий и др., 2019. С. 59) и с теми описания, которые даются в целом современному «обществу потребления» (Э. Фромм), где главной ценностью становится участие в потребительской деятельности, культивирование ценностей, ассоциированных с удаленностью от труда[3].

В работе большой группы авторов «Система ценностных ориентаций “поколения Z”: социальные, культурные и демографические детерминанты» делается показательный вывод об отсутствии у поколения Z «проявления уважения к принятым в обществе идеям и обычаям, отрицание значи-

[3] Р. Инглхарт говорит о том, что система ценностей современного поколения впервые в истории формируется в условиях «гарантии» физической и экономической безопасности (Inglehart, 2005). Но мир не остается стабильным долгое время, и новые исследования должны показать, как изменится эта картина «гарантированного благополучия» после кризиса, свидетелями и участниками которого мы стали.

мости существующих традиций» (Яницкий, 2019. С. 59). Данная ценность занимает последнее место в противовес ей главенствующей, «ядерной» ценностью становится автономность, независимость в суждениях и поступках.

З. Бауман (Bauman, 2007) замечает, что в общественном сознании совершается подмена: ценность свободы выбора, которая в современном мире считается первостепенной (от выбора продуктов в магазине до выбора собственной идентичности), является иллюзорной, так как для того, чтобы ей воспользоваться необходимо материальное обеспечение («счастье не в деньгах, а в их количестве»). Первостепенность материальных ценностей таким образом маскируется демократическими ценностями, свобода становится следствием, символом материального благополучия, а само понятие – симулякром (копией того, что само является символом чего-то другого, означающее без означаемого (Бодрияр, 2001).

Культ «демократических ценностей» – утверждение ценностей западноевропейской и американской культуры в качестве универсальных, навязывание поведенческих и моральных образцов, их активная популяризация и внедрение посредством СМИ – приводит к разрушению национальной социокультурной системы и в итоге к унификации культур. Во многом формированию глобального общества способствуют средства коммуникации, которые трансформируют разнообразие ценностных доминант в разных культурах, приводя их к единому знаменателю и активно внедряя в сознание главную ценность – ценность потребления. Вся реклама основана на убеждении в необходимости и обманчивой доступности чего-либо, что «неосознанно приводит людей к представлению о жизни как о фантастическом мире, где все можно получить без особых усилий» (Челомбицкая, 2011. С. 199), потому что «ты этого достоен». Смыслом жизнь становится участие в потребительской деятельности, а средства коммуникации продолжают создавать видимость выбора: как утверждал Э. Тоффлер, они создают и распространяют большое количество образцов – имиджей, из списка которых индивид формально выбирает подходящее (Тоффлер, 2002).

Формирование единого глобального общества с единой структурой ценностей облегчается доминирование силы, в распоряжении которой находятся коммуникационные каналы, по которым и происходит управление массовым сознанием. В этом смысле, распространяя и развивая цифровое общество в своей стране, мы строим магистрали, «дороги», по которым идут американские «эшелоны» информации, так как мировые платформы и технологии находятся под их контролем.

С другой стороны, восприятие и мышление современного поколения адаптируется под изменившийся контекст существования в информационном мире, где информационно-телекоммуникационные технологии убирают границы пространства, но не изменяют временного ресурса, который становится самым востребованным в связи с необходимостью обработки огромных потоков информации. Поэтому специфическими чертами современной молодежи являются клиповость мышления, фрагментарность сознания, опора на визуализацию, так как она ускоряет обработку информации мозгом, на форму, а не на содержание (Воронцова, 2016; Кулакова, 2018).

Эти характеристики соотносятся с основными чертами постмодернизма. Словом «постмодерн» обозначается неопределенность, смешение, множественность трактовок, эпатажность. Постмодернизм в искусстве характеризуют деконструкция (разрушение стереотипов), ирония (скрытая насмешка), стилизация (придание творческому произведению черт другого стиля), релятивизм (относительность понятий), нигилизм (отрицание) (Тернер). Часто при характеристике постмодернизма используются такие понятия как «антиформа», «энтропия смысла», «карнавальность цитат», «клиповость», «коллажность» и т. д. Как пишет Н. Маньковская, «постмодернизм – метисная параэстетика... Его характерные черты – пре-

вращение эстетического объекта в пустую оболочку» (Маньковская, 2018. С. 194).

«Искусство – это отражение жизни, натура, увиденная сквозь индивидуальную призму», – писал Ортега-и-Гассет (Ортега-и-Гассет, 1991. С. 243), но Оскар Уайльд в предисловии к «Портрету Дориана Грея» высказывает другое суждение: «Искусство отображает не реальную жизнь и даже не автора, а зрителя» (Уайльд, 2017. С. 6). Распространенное утверждение об искусстве как отражении жизни эпохи многократно оспаривалось, уточнялось: можно говорить о параллельности существования мира искусства относительно нашего материального мира, что искусство обладает «собственной генеалогией, динамикой, логикой и будущим, искусство не синонимично, но в лучшем случае параллельно истории, и способом его существования является создание всякий раз новой эстетической реальности» (Бродский, 1992. С. 8), что мысли, образы идеи гениальных авторов обгоняют свое время, «художественные идеи «парят» вне времени и пространства» (Власов, 1998) и т. д. и т. п. Тем не менее искусство не развивается в полной изоляции от социальных явлений и потому не может не выражать их.

С другой стороны, Оскар Уайльд считал, что «Жизнь подражает Искусству гораздо более, нежели Искусство подражает Жизни» (Уайльд, 2003. С. 94). Именно художники показали нам красоту природы, которая сама по себе не имеет эстетических характеристик («присмотритесь со вниманием к полотнам Коро или Констебла, и тогда в природе вам тоже предстанет нечто, не замечавшееся прежде» (Уайльд, 2003. С. 61)), «в литературе дело обстоит точно так же как в большинстве изобразительных искусств… начитавшись о приключениях Джека Шеппарда или Дика Терпина, глупые мальчишки громят лотки каких-нибудь несчастных торговок яблоками, вламываются по ночам в кондитерские и до полусмерти пугают возвращающихся из города к себе в предместье старичков, устраивая в переулках засады – с непременными масками на лицах и незаряженными револьверами в карманах» (Уайльд, 2003. С. 81–82) (рассуждение перекликается с актуальными сегодня сюжетами детективных сериалов, где писатель издает романы, а преступник с маниакальной точностью воссоздает эти убийства в реальности). Наконец, Уайльд приводит прекрасный пример формирования общественного мнения (в данном случае стандарта красоты), что является иллюстрацией современных технологий информационного влияния: «Мы все были в наши дни свидетелями того, как некий особый пленительный тип красоты, созданный и привитый двумя художниками, не лишенными воображения, до того повлиял здесь, в Англии, на Жизнь, что, отправившись ли с частным визитом, присутствуя ли на открытии художественного салона, всякий раз ловишь тот мистический взгляд, который грезился Россетти, и замечаешь длинную линию шеи цвета слоновой кости, причудливый квадратный абрис лица, беспечно спутанные темные волосы, так его восхищавшие, или же поминутно попадаются живые воплощения той строгой девственности, что воспета в «Златых ступенях», губы, схожие с цветком, и тронутая усталостью красота, о коей говорит «Laus Amoris», бледное от страсти лицо, напоминающее Андромеду, тонкие запястья и изящество походки, как у Вивиан из «Сна Мерлина». Вот так всегда и обстояло дело. Выдающийся художник создает некий тип, а Жизнь пытается его скопировать, воспроизвести в популярных формах, точно находчивый издатель. Ни Гольбейн, ни Ван Дейк не могли бы найти в тогдашней Англии того, чем нас одарили их полотна. Свои образы красоты они принесли с собой, Жизнь же со свойственной ей развитой способностью подражания позаботилась о том, чтобы предоставить мастеру нужную модель» (Уайльд, 2003. С. 80–81). Здесь Уайльд перечисляет бесспорно эстетически прекрасные черты, но в основе создаваемого «образа прекрасного» может лежать, например, признание Жан-Поля Готье, которое часто встречается в Интернете: «Я создаю эталон женской красоты без намека на женственность, из ненависти ко всем женщинам.

Для меня они – просто вешалки для одежды».

С одной стороны, искусство, образно отражая реальность, передает социальное мироощущение, миропонимание, а, с другой, – само формирует это миропонимание, то, что мы считаем прекрасным и безобразным, допустимым и недопустимым и т. д. С одной стороны, любое искусство, каким бы абстрактным не было, отражает реальность, а, с другой стороны, оно эту реальность и создает. Тогда возникает вопрос – что первично: отсутствие целостности современного мировоззрения, растущая бездуховность постиндустриального общества потребления, создание бесконечных симулякров или клиповость, отрицание содержательности и основополагающих основ, разрушение архетипов в искусстве? Постмодернизм (или уже метамодернизм) в культуре является определяющим или клиповость (хаос), релятивизм (анархия) общественного сознания, проявляющиеся в постоянной переоценке того, что считается базисом, прикрываясь принципами демократии, свободы слова, свободы выбора, разрушение национальной идентичности, через «стирание» границ и стремления к единому глобальному миру и т. д. и т. п.

Однозначно можно сказать, что искусство является важнейшим механизмом социализации, инструментом формирования человека и восприятие искусства формирует мышление. Воспитание начинается со сказки. Несмотря на специфичность, иррациональность отражения мира, событий, ситуаций, персонажей, сказка с детства программирует в сознании ребенка некий культурный код, модели поведения, взаимодействия, расставляет полюсы добра и зла, демонстрирует общечеловеческие морально-нравственные принципы, культурные ценности. Особенностью генетического происхождения сказок является их связь с народом или этносом. Сказочные образы являются архетипами, а потому воздействуют на бессознательном, внерациональном уровне восприятия.

Современный мир – это мир визуальных образов и телевизор (компьютер) заменяет (или уже заменил?) книгу. От чтения книг мы перешли к видеоформату (мультимедиа), на котором и воспитывается современное цифровое поколение. Надо иметь в виду, что для детей телевиденье – это достоверный источник того, как устроен мир. Не идеализируя советские мультфильмы, надо признать, что в них было четкое разграничение героев на добрых и злых (также как и в фольклорных сказках), на хорошие, правильные поступки и неправильные, утверждалось, что сила – это не главное, а важнее порядочность, воспитанность, что надо быть добрым и помогать тем, кто попал в беду. «Главное – добро всегда побеждает зло, это основной посыл нормального мультика, – пишет детский невролог Н. Столярова. – И отрицательный герой, воплощающий в себе плохие черты – трусость, лень, жадность и так далее, – непременно наказывается. Вот это и есть воспитательный процесс» (Николаев, 2019).

Множество исследователей из разных областей (педагогики, психологии, философии, медицины) неоднократно и давно высказывали вполне однозначные суждения о разрушительном влиянии на детскую психику части современного мультипликационного контента, не проходящего никакой цензуры (Карповская, 2011, Козачев, 2007, Коростелева, 2015, Зуева 2008). Образность и яркость анимационных персонажей только усиливает внушение и превращает сказку в средство манипуляции, внедряющее в качестве «нормальных» поведенческих стереотипов жестокость, насилие, цинизм, стремления к разрушению. И в данном случае речь идет не только о западных мультфильмах с непонятными, нетрадиционными для нашей культуры персонажами. О. Арептанова, подробно анализируя популярный российский мультфильм «Маша и Медведь», основанный на русской народной сказке, приходит к выводу о вредности просмотра этой осовремененной истории. «Всё ради чего дети смотрят этот мультфильм – это чтобы почерпнуть для себя примеры, наиболее выпуклые, яркие и комичные. Именно

таких, отрицательных, примеров поведения Маши здесь 78 %» (Араптанова, 2012. С. 21). «Еще в 1970-е годы психологи установили, что модели поведения, которые демонстрируют обаятельные герои экрана, обладают огромной притягательностью. Особенно для молодых зрителей с неустойчивой психикой и еще не сформировавшейся системой ценностей» (Шишова, 2009). Своевольность, капризность, неуправляемость милой, обаятельной Маши в мультфильме никак не наказывается и последствия обычно оказываются со знаком «плюс», что деформирует общепринятые нормы морали, формирует стереотип вседозволенности и желание подражать.

Внешность героя – один из ключевых факторов восприятия. Но трансформации и деконструкции в эпоху постмодернизма подверглись традиционные «роли», соответствующие облику, персонажей сказок – «сказочное зло» (гоблины, великаны, вампиры, драконы) становятся положительными персонажами, не изменяя при этом своего жуткого облика. «Добрые» монстры и уроды на уровне архетипов входят в диссонанс, тем более что и поступки этих героев далеко не однозначны.

Если же продолжить анализировать западные фильмы и сериалы, которыми увлекаются подростки, то можно увидеть, что почти всегда среди киношных одноклассников есть несколько с нетрадиционной ориентацией (и это, обычно, положительные герои), практически все имеют сексуальные отношения, иногда даже в средней школе, старшие братья и сестра ненавидят младших, а те, в свою очередь, только и думают, как их «подставить» перед родителями или просто сделать какую-то пакость, все мечтают вырваться из дома, разъехаться, а семейные праздники показываются как неприятная обязанность и т. д. При таких повторяющихся сюжетах и образах странно ждать формирования правильно расставленных (или точнее, соответствующих нашему культурному коду) ценностных приоритетов и стереотипов поведения.

В период СССР система воспитания в дошкольных и школьных образовательных учреждениях, усиленная пионерской и комсомольской организациями, делающими обязательным (и естественным для человека) участие в общественной жизни, общественно-полезном труде, формировала требуемые качества личности и гражданскую позицию советского человека. Сегодня в школах фактически отсутствует трудовое воспитание (в обязанности учащегося не входит даже уборка класса, а от пришедших на субботник детей требуется заявление, что они идут туда по доброй воле), произошел отказ от принципов коллективизма (а значит, поощрение проявлений индивидуальности, «свободы выбора», которые очень быстро деформируются и переходят в гипертрофированные формы, прикрывая отсутствие элементарных норм поведения и проявления лени), произошло приравнивание сферы образования к сфере услуг (от которых можно и отказаться), а учителей к обслуживающему персоналу.

Массовое советское искусство также было направлено на воспитание, формированием ценностных ориентаций занимались художественная литература, кино, театральные жанры, демонстрируя многочисленные поучительные и положительные примеры, где всегда присутствовал образ человека, преодолевавший различные препятствия в отстаивании своей позиции (и выбор этой позиции был обоснован каким-то высоким смыслом, идеалом, а не материальным обогащением), нередко даже ошибающийся, но всегда с некой финальной моралью, подтверждающей правильность избранного пути. Воспитательная роль искусства, телевидения, средств массовой информации была чуть ли не самой существенной их функцией (реплика Огурцова из художественного фильма «Карнавальная ночь» Эльдара Рязанова, вышедшего в 1956 году: «Мы должны воспитывать нашего зрителя. Голыми ногами его не воспитаешь», – несколько утрированно иллюстрирует данное положение).

Современное искусство зачастую паразитирует на принципах постмодернизма, провозглашая себя элитарным, а потому

не каждому понятным. Но чаще за всем этим стоит аргумент «свободы» проявления себя: «я художник, я так вижу» и потому никакой критики мое вИдение не подлежит. Поэтому Тангейзер Вагнера может быть «переосмыслен» (деконструирован) в кинорежиссера, снимающего фильм про Иисуса в гроте Венеры среди полуголых жриц и жрецов или вместо яркой красочной оперы «Сказка о царе Салтане» может появиться «Сказка о царе Салтане и его сыне аутисте» (название одной из рецензий на постановку). От величественности легенды и замысла Вагнера, также как и от сказки Пушкина и Римского-Корсакова не остается ничего, но в мире постмодерна и «свободы самовыражения» это никого не останавливает. Данные интерпретации оперных произведений являются иллюстрациями как форма (интерпретация) не только изменяет содержание, но и совершенно изменяет восприятие вроде бы неизмененной музыкальной партитуры.

У каждого жанра есть свои законы, не соблюдая которые он перестает существовать именно как этот жанр. Это касается и оперы – самого условного музыкального жанра и сказки – самого традиционного и архаичного. Как пишет один из музыкальных критиков, в опере существует строгая иерархия – композитор, потом дирижер, солисты, ниже сценограф и «иногда, возможно, при самом благоприятном стечении обстоятельств, режиссер… Российской опере известен лишь один пример столь властного присвоения музыкального первоисточника режиссурой», продолжает он свою мысль, имея в виду одну из первых постановок Дмитрия Чернякова (Ренарский, 2012. С. 20).

«Сказка о царе Салтане» Н. А. Римского-Корсакова в интерпретации Д. Чернякова была осуществлена в 2019 году в Брюсселе – столице Евросоюза, территории торжества европейских ценностей. Поэтому вполне органично было именно здесь продемонстрировать переосмысление традиционной сказки, показ всей ее «жизненной изнанки». В самом начале до вступления оркестра, нервно куря, на авансцену выходит современная молодая женщина и сообщает, что сейчас на сцене будет представлена совсем несказочная история матери-одиночки, живущей с сыном – аутистом, которому она расскажет про бросившего их отца. И сразу весь конфликт, на котором построена сказка и опера (обман: «родила царица в ночь не то сына, не то дочь; не мышонка, не лягушку, а неведому зверюшку»), разрушается. При весьма интересном постановочном решении, использовании современных технологий, несказочная реальность все время присутствует на сцене в виде современного костюма нервной Милитрисы, которая периодически заходится в рыданиях, растянутого свитера Гвидона, с пугающей медицинской точностью воспроизводящего поведение аутиста. Лебедь же превращается не в Царевну, а в кого-то вроде медсестры или психолога-сиделки для больных. Разрушен и важнейший идейный элемент сказки – добро всегда побеждает зло: постановка Чернякова заканчивается тем, что Гвидон падает в припадке и застывает со сведенными мышцами. Категории прекрасного и безобразного, этического, эстетического совершенно перемешиваются, и в целом изменяется смысл и пушкинской сказки, и корсаковской оперы, да и, собственно, самого посещения оперного театра.

Выводы

Фридрих Ницше считал творчество в искусстве высшей задачей и «собственно метафизической деятельностью в этой жизни» (Ницше, 2003). Посредством творчества со времен эпохи Возрождения человек проявлял свою свободу, как доказательство высшего предназначения, приближения к идеалу, к Творцу. Несмотря на то, что идеальное в принципе недостижимо, но стремление к нему всегда было заложено в человеке.

Эпоха потребления и принципы постмодернизма предлагают другие способы достижения свободы – если я не могу создать свое, я могу «сделать своим» чужое, через симуляцию сотворчества присвоить себе признанный шедевр – своеобразное проявления вещизма, реализация желания обладания, утилитарное использование ху-

дожественного произведения для выпячивания собственного Я. Этот способ фактически идет от Марселя Дюшана, который практиковал метод «готовых вещей» и прославился тем, что выставил в качестве арт-объекта писсуар, поставив на него подпись (вновь симуляция творчества и симулякр в качестве произведения искусства). Спустя много лет он говорил: «Я швырнул им в лицо писсуар, а они восхищаются его эстетическим совершенством» (Сальникова, 2017). Но также как и Дюшан, не оставивший особо никакого наследия, но считающийся одной из самых влиятельных фигур в искусстве XX века, скандальная слава способствовало никому не известному Тимофею Кулябину после «Тангейзера» дойти до постановки в Большом театре (правда, сейчас он уехал из России в неизвестном направлении). Дмитрий Черняков, постулируя, что «опера приходит к нам из уже мертвого театрального мира», продолжает свои опыты деконструкции русских опер, не смущаясь, что западная публика мало что понимает, всерьез принимая «маскарадных берендеев за истинных славян, наших астериксов и обеликсов» (Тарханов, 2017).

Какими бы изощренными не были объяснения деконструкции, она остается разрушением с последующей сборкой чего-то подобного, но уже замешанного на хаосе, случайно подобранных элементах, вне всяких структур и концепций, отвергаемых постмодернизмом. Если согласиться с тем, что «колебания, неопределенность – новые константы современного мира» (Карась), то формирование ценностной структуры общественного сознания становится невозможным. Для моральных норм не может существовать принцип относительности, а свобода самовыражения не может оправдываться тем, что «должны цвести любые цветы», и поэтому вместо сказки дети получают плод чьей-то не совсем здоровой фантазии. Несмотря на взаимосвязанность мира коммуникационными сетями, необходимо четко сформулированная, активно продвигаемая и пропагандируемая ценностная парадигма, которая регулировала бы и массовую культуру и сознание россиян по методу «отнесения» к традиционно русским (российским) ценностям.

Список источников / References

Араптанова О. А. Анализ современного детского мультфильма как аудиовизуального медиатекста с воспитательным потенциалом (на примере российского мультфильма «Маша и медведь») // Медиаобразование. 2012. № 3. С. 8–27.

Araptanova O. A. (2012) Analysis of modern children's cartoon as an audiovisual media text with educational potential (on the example of the Russian cartoon "Masha and the Bear"). *Mediaobrazovanie = Media education.* No. 3. P. 8-27. (In Russ.).

Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

Bauman Z. (2008) Fluid modernity. Saint Petersburg: Piter. 240 p. (In Russ.).

Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 2001. 231 с.

Bodriiyar Zh. (2001) System of things. Moscow: Rudomino. 231 p. (In Russ.).

Бродский И. А. Собрания сочинения в 4-х томах. СПб: Третья волна, 1992.

Brodskii I. A. (1992) Collected works in 4 volumes. Saint Petersburg: Tret'ya volna. (In Russ.).

Власов В. Г. Стили в искусстве: словарь. СПб: Кольна, 1998. 672 с.

Vlasov V. G. (1998) Styles in Art: A Dictionary. Saint Petersburg: Kolna. 672 p. (In Russ.).

Воронцова Ю. А., Ермолаев В. В. Представления «поколения Z» о своей будущей семье (на примере литовских старшеклассников) // Психолог. 2016. № 1. С. 1–12.

Vorontsova Yu. A., Ermolaev V. V. (2016) "Generation Z" ideas about their future family (on the example of Lithuanian high school students). *Psikholog = Psychologist.* No. 1. P. 1-12. (In Russ.).

Денисова А. Б. Влияние информационно-коммуникационных технологий на формирование мотивационно-ценностной структуры личности // Мир образования – образование в мире. 2016. № 2 (62). С. 136–142.

Denisova A. B. (2016) The influence of information and communication technologies on the formation of the motivational and value structure of the personality. *Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire = The world of education is education in the world*. No. 2 (62). P. 136-142. (In Russ.).

Зарубина Н. Н. Этика ответственности современной российской молодежи // Вестник МГИМО. 2012. № 6. С. 250–257.

Zarubina N. N. (2012) Ethics of responsibility of modern Russian youth. *Vestnik MGIMO =*

MGIMO Review of International Relations. No. 6. P. 250-257. (In Russ.).

Зуева В. М. Роль телевидения в формировании представлений младшего школьника о добре и зле // Образование и саморазвитие. 2008. № 4 (10). С. 97–103.

Zueva V. M. (2008) The role of television in shaping the junior schoolchildren's ideas about good and evil *Obrazovanie i samorazvitie = Education and Self-Development*. No. 4 (10). P. 97-103. (In Russ.).

Карась Л. Д. Колебание и неопределенность: что такое метамодерн и чем он отличается от постмодерна // Теория и практика. [Электронный ресурс]. URL.: https://theoryandpractice.ru/posts/19338-kolebanie-i-neopredelennost-chto-takoe-metamodern-i-chem-on-otlichaetsya-ot-postmoderna(10.11.2022).

Karas' L. D. (2022) Hesitation and uncertainty: what is metamodern and how does it differ from postmodern. *Teoriya i praktika = Theory and practice.* Available from: https://theoryandpractice.ru/posts/19338-kolebanie-i-neopredelennost-chto-takoe-metamodern-i-chem-on-otlichaetsya-ot-postmoderna(10.11.2022). (In Russ.).

Карповская Е. Е. Влияние зарубежных мультфильмов на психику детей PR и реклама: традиции и инновации. 2011. № 6–2. С. 98–99.

Karpovskaya E. E. (2011) The influence of foreign cartoons on the psyche of children PR and advertising: traditions and innovations. No. 6–2. P. 98–99. (In Russ.).

Козачек О. В. Современные мультфильмы и дети: средство воспитания или технология манипулирования? // Здоровье и экология. 2007. № 3. С. 24–25.

Kozachek O. V. (2007) Modern cartoons and children: means of education or technology of manipulation? *Zdorov'e i ekologiya = Health and ecology*. No. 3. P. 24-25. (In Russ.).

Коростелева Н. А., Постнова В. В., Бондаренко В. В. Влияние современных мультфильмов на социальное развитие детей дошкольного возраста // Вопросы дошкольной педагогики. 2015. № 3. С. 36–38.

Korosteleva N. A., Postnova V. V., Bondarenko V. V. (2015) The influence of modern cartoons on the social development of preschool children. *Voprosy doshkol'noi pedagogiki = Issues of preschool pedagogy.* No. 3. P. 36-38. (In Russ.).

Кулакова А. Б. Поколение Z: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. 2018. № 2 (42).

Kulakova A. B. (2018) Generation Z: theoretical aspect. *Voprosy territorial'nogo razvitiya = Territorial Development Issues*. No. 2 (42). (In Russ.).

Маньковская Н. Б. Постмодернизм в эстетике // Философская антропология. 2018. Т. 4. № 1. С. 192–230.

Man'kovskaya N. B. (2018) Postmodernism in aesthetics. *Filosofskaya antropologiya = Philosophical anthropology*. Vol. 4. No. 1. P. 192-230. (In Russ.).

Николаев А. В. Депрессивный Лунтик, капризная Маша, жестокие Том и Джерри: чем опасны мультики для психики детей. [Электронный ресурс]. URL.: https://tsargrad.tv/articles/depressivnyj-luntik-kapriznaja-masha-zhestokie-tom-i-dzherri-chem-opasny-multiki-dlja-psihiki-detej_219226(10.11.2022).

Nikolaev A. V. (2019) Depressive Luntik, capricious Masha, cruel Tom and Jerry: why cartoons are dangerous for the psyche of children. Available from: https://tsargrad.tv/articles/depressivnyj-luntik-kapriznaja-masha-zhestokie-tom-i-dzherri-chem-opasny-multiki-dlja-psihiki-detej_219226(10.11.2022). (In Russ.).

Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. СПб.: Азбука-классика, 2003.

Nitsshe F. (2003) The birth of tragedy from the spirit of music. Saint Petersburg: ABC-classic. (In Russ.).

Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства // Самосознание европейской культуры XX века. М.: Радуга, 1991. С. 243.

Ortega-i-Gasset Kh. (1991) Dehumanization of art. *Samosoznanie evropeiskoi kul'tury KhKh veka = Self-awareness of European culture of the twentieth century*. Moscow: Raduga. P. 243. (In Russ.).

Ренарский Д. Он утонул // Журнал Citizen K. 2012. №1. С. 20.

Renarskii D. (2012) He drowned. *Zhurnal Citizen K = Citizen K Russia Magazine Part 1.* P. 20. (In Russ.).

Сальникова В. И. Как сто лет назад Марсель Дюшан создал современное искусство. [Электронный ресурс]. URL.: https://tass.ru/kultura/4438862(10.11.2022).

Sal'nikova V. (2022) How Marcel Duchamp Created Modern Art 100 Years Ago. https://tass.ru/kultura/4438862 (10.11.2022). (In Russ.).

Тарханов А. Опера приходит из мертвого театрального мира. Разве что музыка жива. [Электронный ресурс]. URL.: https://www.classicalmusicnews.ru/articles/dmitry-chernyakov-2017/(10.11.2022).

Tarkhanov A. (2022) Opera prikhodit iz mertvogo teatral'nogo mira. Razve chto muzyka zhiva.

Available from: https://www.classicalmusicnews.ru/articles/dmitry-chernyakov-2017/(10.11.2022). (In Russ.).

Тернер Л. «Метамодернизм: краткое введение» ». [Электронный ресурс]. URL.: https://metamodernizm.ru/briefintroduction/(10.11.2022).

Terner L. "Metamodernizm: kratkoe vvedenie".Available from: https://metamodernizm.ru/briefintroduction/(10.11.2022). (In Russ.).

Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2002. 669 с.

Toffler E. (2002) Metamorphoses of power. Moscow: AST. 669 p. (In Russ.).

Уайльд О. Портрет Дориана Грея. М.: Изд-во «АСТ», 2017. 250 с.
Uail'd O. (2017) The Picture of Dorian Grey. Moscow: AST. 250 p. (In Russ.).

Уайльд О. Стихотворения. Поэмы. Эссе. Лекции и эстетические миниатюры. Письма. М: ТЕРРА, 2003. 592 с.
Uail'd O. (2003) Poems. Poems. Essay. Lectures and aesthetic miniatures. Letters. Moscow: TERRA. 592 p. (In Russ.).

Челомбицкая М. П. Ценностные ориентиры современного общества // Молодой ученый. 2011. № 12 (35). Т. 1. С. 198–201.
Chelombitskaya M. P. (2011) Value orientations of modern society. *Molodoi uchenyi = Young scientist.* No. 12. (35). Vol. 1. P. 198-201. (In Russ.).

Шишова Т. А. Меня воспитал телевизор // Толк и польза. 2009. № 6.
Shishova T. A. (2009) TV raised me. *Tolk i pol'za = Sense and Benefit.* No. 6. (In Russ.).

Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А., Пелех Ю. В., Маслова О. и др. Система ценностных ориентаций «поколения z»: социальные, культурные и демографические детерминанты // Сибирский психологический журнал. 2019. № 72. С. 46–67.
Yanitskii M. S., Seryi A. V., Braun O. A., Pelekh Yu. V., Maslova O. i dr. (2019) The system of value orientations of "generation z": social, cultural and demographic determinants. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian psychological journal*. No. 72. P. 46-67. (In Russ.).

Bauman Z. Consuming Life. Cambridge: Polity Press, 2007.
Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Developm Siberian psychological journal.ent Sequence. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 344 p.

Информация об авторе

Алла Борисовна Денисова,
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и истории,
Национальный исследовательский
университет «МЭИ»,
111250, г. Москва, ул. Красноказарменная, д. 14,
Российская Федерация,
den-alla@yandex.ru

Information about author

Alla B. Denisova,
Cand. Sci. (Philosophy),
Associate Professor of Philosophy
and History Department,
National Research University
"Moscow Power Engineering Institute",
14 Krasnoznamennaya St., 111250 Moscow,
Russian Federation,
den-alla@yandex.ru

Вклад автора

Автор выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Contribution of the author

The author has conducted research, summarized the results, prepared the manuscript for publication, she owns the copyright in this article and bears responsibility for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of this manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 05.11.2022;
одобрена после рецензирования 21.11.2022;
принята к публикации 10.12. 2022.

Information about the article

The article was submitted 05.11.2022;
approved after reviewing 21.11.2022;
accepted for publication 10.12.2022.